

И съ этимъ словомъ всѣ нахалы, пустомели,
 Вертятся и кланяясь, вокругъ меня обѣли.
 Котлеты между тѣмъ свернулись въ желе
 И лакомили мухъ покойно на столѣ.
 Жестокая бѣда! Но вотъ еще мученье!
 Является папшеть, огромное строенье,
 Торжественный вѣнецъ искусства поваровъ,
 Со свитой водокъ, винъ и влаги всѣхъ родовъ.
 Почтеннѣйшій Ословъ, на откупъ взявъ желудки,
 Какъ истинный дѣлецъ, успѣлъ уже за сутки
 Впередъ распорядить явленье пирога —
 И снова я въ рукахъ могучаго врага!
 Облизовъ, приступя къ рѣшительному бою,
 Сразилъ чудовище искусною рукою;
 Огромный зѣвъ его на части раздѣлилъ,
 И всякій съ лезвиемъ ко трупу приступилъ.
 Припомни, какъ терзалъ Демьянъ сосѣда Фоку,
 Какъ потчивалъ его безъ отдыха и сроку,
 И градомъ потъ съ него, несчастнаго, бѣжалъ;
 Такъ точно и меня знакомецъ угощалъ
 Безъ срока, отдыха и даже безъ оглядки!
 «Да кушай, милый мой, вотъ ножка куропатки,
 Цыплята, голуби и фаршъ — и все тутъ есть.
 Отвѣдай же, мой другъ, прошу тебя я въ честь».
 Хочу сказать, что сытъ — не дастъ отвѣтить слова;
 Лишь только я начну — и рюмка мнѣ готова.
 Пей, пей, любезнѣйшій! поменьше говори.
 Чтò за бордо, сотернъ, шампанское, смотри!
 Да кстати, добрый нашъ поэтъ Ахтикропаловъ,
 Ты такъ запрятался межъ рюмокъ и бокаловъ,
 Чтò мудрено тебя найти и съ фонаремъ.
 Отвистнись-ка, мой другъ, какимъ-нибудь стишкомъ!
 — Готовъ! сказалъ поэтъ съ довольною улыбкой;
 Перстъ ко лбу — и въ ушахъ раздался голосъ хриплый:
 «Я съ удовольствіемъ сию
 Въ кругу друзей почтенныхъ,
 И съ чистой радостью гляжу
 На строй бутылокъ пѣнныхъ,
 Которыхъ слезы, какъ хрусталь
 Лазурный, бѣлый и румяный,
 Кропятъ граненые стаканы —
 И, не откладывая въ даль,
 Запью послѣднюю печаль».

